

Гаврилова Г. А.

К 200-ЛЕТИЮ АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА ПОЛЕЖАЕВА (ПО ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ПЕРИОДИКЕ)

В 2004 г. исполняется 200 лет со дня рождения русского поэта Александра Ивановича Полежаева (1804—1838), который занимает особое место в ряду поэтических талантов пушкинской поры. Его творчество неразрывно связано с горькой судьбой поэта, сломленного в самом начале жизненного пути. Статья посвящается памяти А. И. Полежаева и написана на основе дореволюционных журналов, имеющих в фонде ДВГНБ.

Открываем «Вестник Европы» № 3 за 1889 г., на с. 153—197 — статья А. Пыпина «Забывтый поэт», напечатанная в связи с 50-летием со дня рождения А. И. Полежаева. Автор с сожалением говорит: «О Полежаеве редко вспоминают историки, литературоведы, в то время как ближайшие современники высоко ценили его дарование. Особенно в молодом поколении читателей имя поэта пользовалось большой известностью и симпатиями».

В этой статье, а также в работах Д. Рябинина «Александр Полежаев» (Русский архив. 1881. № 1. С. 314—365), В. Якушкина «Полежаев, его жизнь и творчество» (Вестник Европы. 1897. № 6. С. 716—729) дается подробный рассказ о трагической судьбе поэта. Родился он 11 сентября 1804 г. в селе Разуваевке Пензенской губернии. Александр был внебрачным сыном помещика Леонтия Николаевича Струйского. Мать его — крепостная Аграфена Ивановна Федорова. После рождения «незаконного сына» она была обвенчана с мещанином Полежаевым, который вскоре пропал без вести. Аграфена Ивановна вместе с малолетним сыном приехала в село Покрышкино — одно из многочисленных имений Струйских. Там она вскоре умерла. Мальчик рос заброшенным, вместе с детьми лакеев помещика. Десяти лет он был отправлен в Москву в модный тогда пансион Визбора, а в 1820 г. поступил в Московский университет на словесное отделение.

В прошении, поданном в университетское правление, он писал: «Изучившись российскому, латинскому и французскому языкам, истории, географии и арифметике, желаю продолжить учение мое в университете» (Вестник Европы. 1897. № 6. С. 717). Здесь сложилось его мировоззрение, сформировались вольнолюбивые идеи. В поэме «Сашка» он так рисует себя, молодого студента:

Черты характера его:

Свобода в мыслях и поступках.

Первые литературные выступления Полежаева были связаны с участием в деятельности Общества любителей российской словесности при Московском университете. В журнале «Вестник Европы» (1825, № 3–4, с. 181–182, 184), издававшемся профессором М. Т. Каченовским, были опубликованы первые стихотворения молодого поэта, а в следующем году он стал одним из активнейших сотрудников журнала.

Е. Белозерский в заметках «К биографии А. И. Полежаева» (Исторический вестник. 1895. № 9. С. 644–647), обращается к воспоминаниям Е. А. Дроздовой, в доме которой, как свои, были приняты студенты. Эта компания составляла свой кружок. «Душой товарищества был поэт Полежаев, который безусловно выделялся среди студентов своим умением и находчивостью. Он был очень статен собой и имел замечательно выразительные глаза». В. Якушкин пишет: «Их кружок отдавался теоретическим интересам, не был чужд общественных направлений».

Летом 1826 г., перед самым окончанием университета, Полежаев написал шуточную поэму «Сашка», где описывал свое студенческое житье, кутежи и похождения с товарищами. Но было в поэме несколько строф, резко обличавших помещичий строй России. Так, обращаясь к Отчизне, поэт говорит:

*Когда тебе настанет время
Очнуться в дикости своей,
Когда ты свергнешь с себя бремя
Своих презренных палачей.*

Это случилось через полгода после событий 14 декабря 1825 г., когда еще не смолкли раскаты залпов на Сенатской площади, после недавней казни пятерых руководителей восстания декабристов, когда согладатайство, подозрительность и преследования свободы мысли и слова были доведены «до высшей степени напряжения» (Русская старина. 1889. № 2. С. 47). Тетрадка списков попала в руки начальства («И друзья, злодеи скрытные, злобно предали меня», — писал впоследствии Полежаев) и была представлена самому императору, который прибыл в Москву на коронацию. Последовало грозное распоряжение университетскому начальству явиться во дворец, и «если есть налицо здесь студент Полежаев, то и ему велено быть тогда же ко мне». Ничего не подозревавший поэт был разбужен ночью и доставлен в императорский дворец, где по требованию царя читал указанные им отрывки из поэмы «Сашка». Тот был в ярости: «Я положу конец этому разврату, это все еще следы, последние остатки, я их искореню». После чего «высочайшая воля» превратила вчерашнего студента в унтер-офицера Бутырского полка. По приказанию Николая I полковое начальство ежемесячно отправляет в Главный штаб донесения о поведении опального студента.

Поэт, юноша 21 года, был обречен на пожизненную солдатчину. «С

первого года службы и до конца жизни Полежаева, целых 12 лет, это был для него источник физических и нравственных страданий, которые стали с этих пор всепоглощающей, почти единственной темой его лирики» (Вестник Европы. 1889. № 3. С. 170). Оторванный от мира, полный отчаяния, он пишет стихи «Цепи», «Рок», «Провидение», «Ожесточенный». В стихотворении «Цепи» поэт обращается к воспоминаниям о погибшем прошлом и говорит:

*Любовь к прекрасному, природа,
Младые девы и друзья,
И ты, священная свобода,
Все, все погибло для меня!
Без чувства жизни, без желаний,
Как отвратительная тень,
Влачу я цепь своих страданий
И умираю ночь и день.*

(Вестник Европы. 1897. № 6. С. 723).

Стихотворение «Ожесточенный» начинается так:

*О, для чего судьба меня сгубила.
Зачем из цепи бытия
Меня навек природа исключила
И страшно вживе умер я.*

(Вестник Европы. 1889. № 3. С. 186).

Положение было невыносимым. Желая найти выход из него, Полежаев писал несколько писем на имя государя о помиловании или облегчении его участи. Ответа не было. Тогда он решил лично подать просьбу царю и без всякого дозволения отправился в Петербург. И хотя, одумавшись, он сам вернулся, его судили военным судом за дезертирство. Он был лишен личного дворянства, полученного вместе с университетским дипломом, и разжалован из унтер-офицеров в рядовые «без выслуги». Судьба Полежаева сделалась еще тяжелее, для него погибла всякая надежда на улучшение жизни. Он запил с тоски и в мае 1828 г. был снова арестован за отлучку из роты и столкновение с фельдфебелем:

*Притеснил мою свободу
Кривоногий штабс-солдат;
В угождение уроду
Я отправлен в каземат.*

365 дней провел он в тюремной камере. Ему, лишённому всех прав, грозило прогнание сквозь строй. Поэт решился предупредить страшное, позорное наказание, покончив жизнь самоубийством. Старый солдат принес ему отточенный штык. Но судьба на этот раз хранила страдальца. По снисхождению императора, Полежаев избавился от казни, «прогнания шпицрутенами», и был переведен в другой полк.

Заключение в сыром каземате, в кандалах, постоянные нравственные мучения не прошли даром: Полежаев заболел туберкулезом.

В тюрьме, изнывая в муках безнадежного ожидания, поэт много писал. Все томления истерзанной души вылились в замечательных стихотворениях: «Осужденный», «Живой мертвец», «Песнь погибающего пловца», «Арестант». В них отразились трагические переживания поэта, а также настроение борьбы и протеста против «притеснителей-властелинов на земле».

*Навсегда решена с самовластием борьба,
И родная страна палачу отдана.*

Для поэзии Полежаева 1826–1828 гг. характерны любовь к свободе, яростная ненависть к самовластию царя. Герой стихов этих лет «неизменный друг свободы». Переживая горечь своей судьбы, поэт заканчивает лирические стихи выпадами против самодержавия и возводит их в жанр политической сатиры. «Послание к другу Александру Петровичу Лозовскому» ярко выражает мировоззрение поэта. Антицарские мотивы здесь возвысились до прямого призыва к борьбе с самовластием. Полежаев бросает в лицо царю обвинение:

*Поймешь ли ты, что царский долг
Есть не душить, как лютый волк,
По алчной прихоти своей
Мильоны страждущих людей.*

В 1829 г. полк, в котором служил Полежаев, был отправлен на Кавказ, где шла война с горцами. Об этом периоде можно прочесть в статье С. А. Карпова «Полежаев на Кавказе» (Русский архив. 1881. № 3. С. 459–460). Кавказские военные нравы были проще, положение солдата свободнее. Здесь поэту дышалось легче. По представлению генерала Вельяминова, в котором отмечалось, что «Полежаев находился постоянно в стрелковых цепях, сражался с заметной храбростью и присутствием духа», поэт был произведен в унтер-офицеры.

На Кавказе Полежаев пережил творческий подъем. Наиболее яркие впечатления этого периода жизни отражены в поэмах «Эрпели», «Чир-Юрт» и в стихотворении «Кладбище Германчугское». Он рисует картины жестокой и кровавой войны:

*Минувший день, минувший гром,
Раскаты пушечного гула,
Картины гибели аула.
Пальба и сеча, прах столбом,
И визг, и грохот, и моленье,
И сабель звук, и ружей блеск.
Бойницы, завалов, саклей треск —
Все воскресит воображенья.*

В пламени Кавказской войны, опалившей судьбы А. А. Бестужева, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого, поэт и воин А. И. Полежаев одним из первых поднял голос против бессмысленной братоубийственной войны:

*Да будет проклят нечестивый,
Извлекающий первый меч войны.*
(Русский архив. 1881. № 1. С. 353).

Лишь изредка поэт останавливался на мирных темах, писал о природе (стихи «Море», «Пышно льется светлый Терек в мирном лоне тишины»).

В 1833 г. полк вернулся в Москву, началась прежняя мрачная беспросветная жизнь. На Кавказе поэт мечтал вернуть себе потерянные права, но надежды его не оправдались. Отец умер, родные отказались от него, друзей не было, кроме А. П. Лозовского, расположение которого глубоко трогало поэта, но оно не могло спасти его. «Вино сделалось для него необходимостью, потребностью, болезнью».

Лишь в конце жизни Полежаева произошел эпизод, который явился счастливым, но мимолетным исключением, только на миг пославшим ему светлое настроение. В июне 1834 г. поэт был приглашен погостить в имение Ильинское, где отдыхала семья Бибиковых. Здесь возник трогательный роман его с 16-летней Екатериной Ивановной Бибиковой. Через много лет она с большим умом, отсветом былого чувства рассказала об этом в записках «Встреча с Полежаевым» в «Русском архиве» (1882, № 3, с. 233–243). Литературный псевдоним ее «Старушка из степи».

«Полежаев, — вспоминает Е. И. Бибикова, — был не хорош собой. Роста он был невысокого, черты лица его были неправильны, но вся наружность его с виду некрасивая, могла в одно мгновение осветиться, преобразиться от одного взгляда его чудных, искрометных, больших черных глаз. Этот огромный взгляд выражал все могущество его творческого духа». Автор живо рисует, как после 8 лет солдатчины и перенесенных испытаний личность поэта оставалась обаятельной по своей духовной силе. «Мы все жадно прислушивались к его рассказам. Он говорил о Кавказе, о набегах чеченцев, о своих походах, о том, как он с товарищами-солдатами перетаскивал через горы орудия, пушки. Он рассказывал просто, без хвастовства, без напыщенности, не бил на эффект, и каждое слово его дышало правдой и умом. А между строк слышалось столько невысказанных страданий, горя». 16-летняя девушка быстро сдружилась с Полежаевым и произвела на него сильное впечатление. Эта идиллия продолжалась две недели, 15 ясных дней в жизни многострадального поэта. «Я знала, — вспоминает Екатерина Ивановна, — что общая будущность для нас немислима. Семья, общество, сам рассудок непреодолимой преградой разделят нас». Общество,

к которому принадлежали Бибиковы, не могло принять свободомыслящего человека, подвергнутого репрессиям, да еще сына крепостной. При прощании Полежаев подарил девушке стихи, которые Екатерина Ивановна хранила всю жизнь.

*Зачем хотели вы лишить
Меня единственной отрады
Душой и сердцем вашим быть
Без незаслуженной награды?
Вы наградили всем меня,
Улыбкой, лаской и приветом,
И если я ничто пред светом,
То с этих пор я дорог для себя.
Я не забуду вас в глуши далекой,
Я не забуду вас в мятежной суете,
Где б ни был я, везде с тоской глубокой
Я буду помнить вас везде.*

Ей же поэт посвятил несколько других стихотворений, среди них наиболее известное «Черные глаза».

В последние годы у Полежаева в Москве были некоторые знакомства, литературные связи, он встречался с А. И. Герценом, В. Г. Белинским. Тяжело переживал он смерть А. С. Пушкина.

В дружном хоре, которым отозвалась Россия в 1837 г. на гибель своего величайшего писателя, голос Полежаева прозвучал заметно. Его ода «Венок на гроб Пушкина» (Русская старина. 1916. № 7. С. 48–58) отличалась «гибкостью и вместе с тем силою слова, искренностью поэтического чувства и гражданской скорби, верностью и широтой оценки значения Пушкина». Она ходила по рукам в списках. Вот ее начало:

*Эпоха! Год неблагодарный!
Россия, плачь, лишилась ты
Одной прекрасной, лучезарной,
Одной бриллиантовой звезды.*

Поэтическое достоинство произведений Полежаева было оценено еще современниками. Полевой писал в журнале «Московский телеграф» (1832): «Среди пустых, бездушных произведений современных стихотворцев отраднo встретить целый том стихотворений, внушенных чувством истинным, неподдельным, незаимствованным».

Жизнь поэта оставалась беспросветной, здоровье ухудшилось. Уже в 1835 г. он написал стихотворение «Прощание с жизнью». В знак протеста он в 1837 г. снова покинул полк, его вернули и наказали розгами. После чего он более трех месяцев лежал в военном госпитале. Батальонный адъютант М. П. Перфильев рассказывал Е. А. Дроздовой, что долгое время после наказания из его спины вытаскивали прутья. 16 января следующего года поэт умер. Ему было немногим более 30 лет.

За несколько дней до смерти он узнал о производстве его в чин прапорщика. Царь помиловал его, потому что поэт стоял на краю могилы. Когда его друг явился просить тело для погребения, никто не знал, где оно. Наконец он нашел в подвале труп Полежаева, который валялся под другими, крысы объели ему ногу.

Похоронили его в офицерском мундире, которого он при жизни никогда не носил. Друзья хотели поставить над могилой памятник, но этого не случилось. И могила давно затеряна, так что вполне исполнилось пророчество поэта:

*И труп мой брошен в снедь червям,
И нет ни камня, ни креста,
Ни огородного шеста...*

(Вестник Европы. 1889. № 3. С. 178)

До конца жизни А. И. Полежаев оставался непреклонным противником самодержавия. В литературное и общественное сознания он вошел как продолжатель дела декабристов. В. Г. Белинский, Н. А. Добролюбов высоко оценивали его творчество. А. И. Герцен и Н. П. Огарев приняли горячее участие в публикации его стихов. В них А. И. Полежаев, по словам Н. П. Огарева, «заканчивает первую неудавшуюся битву свободы с самодержавием» (Избранные произведения. М., 1956. Т. 2. С. 197).

«...Из всех поэтов, явившихся в первое время Пушкина, исключая гениального Грибоедова, несравненно выше всех других и достойнее внимания и памяти Полежаев» (Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. М., 1955. Т. 6. С. 160).

Список литературы

1. Васильев, Н. Л. А. И. Полежаев и русская литература / Н. Л. Васильев. — Саранск, 1992. — 165 с.
2. Воронин, И. Д. А. И. Полежаев : жизнь и творчество / И. Д. Воронин. — Саранск, 1979. — 254 с.
3. Полежаев А. И. // Русские писатели : Биобиблиогр. словарь. — Москва, 1971. — С. 533–534.
4. А. И. Полежаев : Библиогр. указ. / Мордов. гос. ун-т им. Н. П. Огарева. — Саранск, 1988. — 80 с.
5. Пыпин, А. Забытый поэт / А. Пыпин // Вестн. Европы. — 1889. — № 3. — С. 153–197.
6. Якушкин, В. Е. А. И. Полежаев : Его жизнь и поэзия / В. Е. Якушкин // Вестн. Европы. — 1897. — № 6. — С. 716–729.
7. Стихотворения А. Полежаева // Отечеств. зап. — 1837. — № 10. — С. 82–90.
8. Стихотворения А. И. Полежаева // Рус. мысль. — 1889. — № 2. — С. 46–48.

9. Белозерский, Е. К биографии поэта А. И. Полежаева / Е. К. Белозерский // Ист. вестн. — 1895. — № 9. — С. 644–647.
10. Стихотворения А. И. Полежаева с биографическим очерком. — СПб., 1889 : [Рец.] // Ист. вестн. — 1889. — №3. — С. 435–437.
11. Бобров, Е. А. Новые данные о поэте А. И. Полежаеве / Е. А. Бобров // Ист. вестн. — 1905. — № 6. — С. 960–965.
12. Макаров, К. Воспоминания о поэте Полежаеве / К. Макаров // Ист. вестн. — 1891. — № 4. — С. 110–115.
13. Рябикин, Д. Д. Александр Полежаев : Биогр. очерк / Д. Д. Рябикин // Рус. архив. — 1881. — № 1. — С. 314–365.
14. Бибикова, Е. И. Встреча с Полежаевым / Е. И. Бибикова // Рус. архив. — 1882. — № 3. — С. 233–243.
15. Бобров, Е. Семейная хроника рода Струйских в связи с биографией поэта А. И. Полежаева / Е. Бобров // Рус. старина. — 1903. — № 8. — С. 265–280, № 9. — С. 481–496.
16. А. И. Полежаев. Венок на гроб Пушкина // Рус. старина. — 1916. — № 7. — С. 48–58.